

Школа управлялась довольно строго: запрещалось приносить с собой закуски или игрушки. Детям такого возраста приходилось жить в интернате самостоятельно, и даже родители здоровых детей с трудом отпускали их, что уж говорить о семьях, где все дети были с нарушениями зрения. Многие семьи подавали заявления на возможность забирать детей домой каждый вечер, но школа отказывала.

Дети с нарушениями зрения должны были быть более самостоятельными, чем обычные дети. Их физический недостаток не должен был становиться препятствием в жизни, и с раннего возраста им нужно было привыкать к своему состоянию, учиться жить в постоянной темноте, как обычные люди.

Родители оставались в комнате с мониторами у входа, но дети об этом не знали. Тао Хуайнань, расставшись с братом, начал тихо плакать, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

Он был не единственным, кто плакал. В их классе из двадцати учеников больше половины рыдали.

Это были дети, которые никогда раньше не покидали дома, и теперь им предстояло провести пять дней без родителей. Некоторые плакали так, будто мир рухнул.

Тао Хуайнань сидел на маленьком стульчике, боясь пошевелиться. Это место было слишком незнакомым, и любое неловкое движение вызывало в нём панику.

Он начал тихо звать Чи Ку.

В классе стоял оглушительный плач, и ничего нельзя было разобрать. Тао Хуайнань положил руки на колени, сидел смирно, продолжая плакать и звать Чи Ку.

Чи Ку сидел позади него, но из-за шума не слышал ничего. В этой обстановке он был тем самым «чужим», и Тао Сяодун, приложив немало усилий, договорился, чтобы его временно приняли в школу.

Тао Хуайнань не знал, игнорирует ли его Чи Ку или его просто нет рядом. Его сердце сжималось от страха, ведь он всегда был очень пугливым.

В классе было несколько взрослых, которые безуспешно пытались успокоить особенно сильно плачущих детей. Сзади и слева девочка перешла от рыданий к пронзительным крикам, и резкий детский голос вонзился в уши Тао Хуайнаня. Он вздрогнул, сжался и громко крикнул:

— Чи Ку!

Чи Ку услышал его, встал и подошёл. Тао Хуайнань почувствовал, что кто-то рядом, и протянул руку, чтобы потрогать:

— Чи Ку?

Мальчик без выражения на лице не понял его намерений, но неуверенно протянул руку. Тао Хуайнань нащупал её и крепко схватил.

— Ты Чи Ку? — голос Тао Хуайнаня стал громче, он сжимал руку и спрашивал. — Почему ты не говоришь?

Чи Ку, чью руку сжимали, стоял рядом, выглядя несколько растерянным.

Тао Хуайнань, всхлипывая, спрашивал, почему тот молчит, и одновременно другой рукой вытирал слёзы, не отпуская захваченную руку. Чи Ку смотрел на него и сказал:

— Не плачь.

Услышав его голос, Тао Хуайнань наконец успокоился, но вместо этого начал плакать ещё сильнее:

— Мне так страшно, я хочу к брату... Я хочу домой.

Чи Ку присел на корточки и снова повторил:

— Не плачь.

Его голос был лишён эмоций, а речь звучала грубовато, с акцентом, что делало его слова немного резкими.

Тао Хуайнань, держа его руку, снова разразился слезами и громко ответил:

— Но мне страшно...

Раньше они даже не разговаривали друг с другом, и Тао Хуайнань его недолюбливал, но сейчас Чи Ку был единственным знакомым человеком рядом. Хотя он и раздражал своим молчанием, отпускать его Тао Хуайнань боялся.

Это было мучительное чувство, и глаза Тао Хуайнаня покраснели от слёз.

Хотя он и не был среди тех, кто плакал громче всех, но успокоить его было непросто. Учитель подошёл и начал мягко с ним разговаривать, но Тао Хуайнань так боялся незнакомцев, что, как только кто-то приближался, он тянул Чи Ку за руку, чтобы тот его прикрыл, а сам отстранялся.

Один прятался, другой прикрывал. Что бы учитель ни говорил, Тао Хуайнань не слушал, сжимался от страха и был совершенно неспособен к общению.

Комната, полная маленьких слепых детей, провела в плаче весь день.

К вечеру двоих, кто плакал особенно сильно, школа вызвала родителей, чтобы те забрали их домой, опасаясь, что дети действительно заболеют от слёз.

Тао Сяодун весь день наблюдал за происходящим из комнаты с мониторами. Он не ушёл, наблюдая, как утром дети плачут в классе, в обед рыдают в общежитии, а после обеда снова возвращаются в класс и продолжают плакать.

Тао Хуайнань держался неплохо: утром плакал долго, а после обеда только пару раз всхлипнул. Он просто не мог отпустить Чи Ку, и никакие уговоры учителя не помогали. В конце концов их парты поставили рядом.

Многие из только что прибывших детей даже не могли ходить самостоятельно. Большинство двигались, держась за поручни вдоль стен, а тех, кто совсем не справлялся, приходилось вести за руку учителям.

Те, кто не умел есть самостоятельно, тоже нуждались в помощи. Чистка зубов, умывание — всё приходилось делать с посторонней помощью.

Среди них Тао Хуайнань был одним из самых самостоятельных. Он справлялся сам, и его зависимость проявлялась только в страхе. Учителя боялись лишней раз с ним заговорить, так как он нервничал, слыша рядом незнакомые голоса. Он был как маленький утёнок, неотступно следующий за Чи Ку.

Тао Сяодун простоял в комнате с мониторами до темноты, пока детей не увели в общежитие готовиться ко сну.

О существовании этого брата Тао Сяодун не знал до его рождения. Его родители говорили, что чувствуют себя виноватыми перед ним, ведь этот брат станет для него обузой.

Но Тао Сяодун так не считал. Он верил, что ему суждено было иметь брата. Он любил его и хотел дать ему всё самое лучшее.

Но тревога и переживания были настоящими.

Всё-таки он отличался от обычных детей, и это постоянно вызывало беспокойство.

Тао Хуайнань не знал, что брат наблюдал за ним весь день. Он сидел на кровати в общежитии, скучая по дому и брату.

В младших классах в общежитии всегда была бабушка, которая помогала им переодеваться, умываться и заправлять постель. В общежитии всё находилось под её присмотром. Тао Хуайнань, переодевшись в пижаму, сел на кровать, скрестив ноги. Его кровать стояла напротив кровати Чи Ку, разделённые двумя спинками.

Бабушка не разрешала двум детям спать вместе, опасаясь, что они могут упасть ночью.

Двух других детей на противоположной стороне нужно было убаюкивать, и бабушка всё время занималась этим. Тао Хуайнань тихо позвал:

— Чи Ку.

Чи Ку, которого он держал весь день, отпустил только перед сном. Через мгновение Чи Ку протянул руку через спинку кровати.

Тао Хуайнань услышал звук и сразу схватил руку Чи Ку.

Дети, привыкшие к домашней опеке, оказавшись в условиях коллективной жизни, переживали долгий период адаптации. Глаза — это первый канал связи с внешним миром, и если эта связь прерывается, всё остальное становится ещё труднее.

Вечером перед сном их успокаивали, а утром, проснувшись, они снова начинали плакать.

Проснуться не дома, не услышав голосов родителей — это было настоящим отчаянием.

Тао Хуайнань оказался сильнее многих. На следующее утро он лишь слегка вытер слёзы и больше не плакал. Ведь, в отличие от других детей, он уже привык расставаться с братом на несколько дней. Брат однажды уезжал больше чем на две недели, и в такие моменты он оставался у Тянь И, тётушки Тянь и дедушки Ши.

Поэтому, хотя он и скучал по брату, это не было для него таким ужасным отчаянием, как для других.

К тому же рядом был Чи Ку.

Вчера он держал Чи Ку весь день, а ночью спал, не отпуская его руку. Он не знал, когда они разжали руки, уснув.

Тао Хуайнань проснулся рано. Вспомнив, что он в школе, он тихо поплакал, затем спрыгнул с кровати и босиком подошёл к кровати Чи Ку. Нащупав её, он спокойно забрался на неё и сел на край.

Чи Ку проснулся. Он всегда спал чутко. Открыв глаза, он увидел, что Тао Хуайнань сидит спиной к нему и вытирает слёзы. Чи Ку подвинулся внутрь.

Тао Хуайнань услышал, как он пошевелился, повернул голову на звук, хотел что-то сказать, но потом закрыл рот.

Их отношения сейчас были немного странными. Для детей эта странность была непонятной. Раньше они даже не разговаривали, но вчера они всё время были вместе, даже держались за руки. Теперь Тао Хуайнань больше не испытывал к нему неприязни.

Но он не хотел первым заговорить. У взрослых такое состояние называется неловкостью, а у детей — просто странностью. Они не были друзьями, но Тао Хуайнань всё время держался за него, прижимался, и это было неловко.

Бабушка тихо вошла из коридора, неся в руках четыре комплекта одежды. Увидев, что они уже проснулись и не шумят, она с улыбкой тихо похвалила:

— О, какие вы послушные.

Тао Хуайнань, услышав её голос, сжал губы и отодвинулся назад, пока не прижался к Чи Ку.

Бабушка погладила его по голове и с улыбкой тихо сказала:

— Такой пугливый, как котёнок.

* Этот абзац представляет собой авторское отступление, раскрывающее мысли и чувства Тао Сяодун о его брате и его ответственности.

<http://bllate.org/book/16228/1458019>